

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ
КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
2021

DOI 10.53115/9785001881148

УДК 341.01

ББК 67.0, 67.9

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, заведующий кафедрой государственного права, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Алексеева Наталья Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург).

*Коллективная монография подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-00770
«Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов
в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».*

Э94

Эффективность международно-правового регулирования и преодоление кризисных явлений в международном праве : коллективная монография / Под ред. В.Ю. Сморгуновой, А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2021. – 274 с. – DOI 10.53115/9785001881148

ISBN 978–5–00188–114–8

Монография посвящена исследованию различных аспектов эффективности международно-правового регулирования, а также проблеме преодоления кризисных явлений в международном праве. Рассмотрены вопросы эффективности реализации международно-правовых норм, а также международные механизмы восстановления нарушенных прав. Для специалистов по теории и истории права и государства, истории политических и правовых учений, международному праву, юристов-отраслевиков, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется дискуссионными вопросами современной юриспруденции.

ISBN 978–5–00188–114–8

© Коллектив авторов, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 6

Глава I. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

- § 1. Проблема эффективности правового регулирования
в политико-правовой мысли (В.Ю. Сморгунова) 8
- § 2. Механизм правового регулирования (Г.Г. Бернацкий) 11
- § 3. Правовое регулирование и измерение его эффективности
в постклассической парадигме (И.Л. Честнов) 20
- § 4. Обычно-правовое регулирование как фактор стабильности
в сфере наднациональной коммуникации (*И.Б. Ломакина*) 25
- § 5. Преодоление иррационального в праве: ведовские процессы
в Испании (Е.Ю. Калинина) 36
- § 6. Конституционно-правовое регулирование: французский опыт
последней трети XIX века по преодолению кризисов в праве
(С.В. Бочкарев) 48
- § 7. Правовое регулирование государственной службы в Российской
империи: поиск эффективной модели
(*Е.Д. Проценко, С.Е. Байкеева*) 53
- § 8. Роль статуса государственных служащих образовательных
учреждений в модели государственной службы
Российской империи XIX века (*Т.И. Еремина*) 64
- § 9. Формирование правового института чрезвычайного положения
в Российской империи в начале XX века (*М.Р. Богатырев*) 73
- § 10. Правотворческая деятельность органов советского государства
в годы Гражданской войны: постановка проблемы
(*С.-М.Р. Симбагаев*) 80

Глава II. ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- § 1. Эффективность правового регулирования как объект
исследования российских юристов-международников
XIX – начала XXI вв. (*А.А. Дорская*) 87
- § 2. Причины кризиса в международном праве:
многообразие взглядов (*Игнатьева М.В.*) 96

§ 3.	Проблема определения критериев эффективности международно-правового регулирования (<i>З.Ш. Матчанова</i>)	101
§ 4.	О некоторых политико-правых аспектах дискуссии об использовании автономных (роботизированных) систем вооружения (<i>С.В. Коростелев</i>)	107
§ 5.	Современное содержание понятия «военное преступление» в национальном и международном праве (<i>И.А. Орлова</i>)	116
§ 6.	Проблемы повышения эффективности деятельности международных организаций (<i>С.В. Глотова</i>)	124
§ 7.	Влияние международно-правовых институтов ООН на состояние борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (<i>С.В. Белоусов</i>)	128
§ 8.	Международно-правовые акты в сфере противодействия коррупции и их значение в деятельности правоохранительных органов России (<i>А.В. Шахматов, А.А. Пальцев</i>)	134
§ 9.	Статус судьи в системе международного правосудия (<i>И.В. Ботанцов</i>)	144

Глава III. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

§ 1.	Имплементация норм международного права как способ развития права и повышения эффективности правового регулирования: историко-теоретический анализ (<i>Е.С. Третьякова</i>)	149
§ 2.	К вопросу о преодолении кризисных явлений в региональном водном праве Центральной Азии (<i>Ф.Н. Джабборов</i>)	157
§ 3.	Проблемы и перспективы формирования правового государства в Российской Федерации в условиях кризиса системы международного права (<i>В.Д. Резван</i>)	163
§ 4.	Формирование модели антикризисного правового регулирования в условиях пандемии COVID-19 (<i>Т.В. Шатковская</i>)	174
§ 5.	К вопросу соответствия понятия оперативно-розыскного мероприятия государств-участников СНГ Модельному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (<i>А.В. Шахматов, А.М. Карл</i>)	189

- § 6. Проблемы эффективности разрешения частноправовых споров, осложнённых иностранным элементом (*В.А. Косовская*) 195
- § 7. Наследственные отношения международного характера: проблемы эффективности правового регулирования в свете новелл российского законодательства (*А.В. Алешина*) 199

Глава IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ

- § 1. Восстановление права как проблема постклассической теории права (*И.Л. Честнов*) 206
- § 2. Значение установления ущерба при призвании к международно-правовой ответственности потерпевшим государством (*Ю.В. Щёкин*) 211
- § 3. Эффективность реализации норм в области защиты прав человека (*М.В. Игнатьева*) 221
- § 4. Полемика вокруг статуса решений Комитетов ООН, принимаемых в целях восстановления и защиты нарушенных прав граждан Казахстана и России (*М.А. Сарсембаев*) 225
- § 5. Механизмы защиты конституционных прав в Эстонской Республике (*А.И. Светлов*) 241
- Литература** 248
- Авторский коллектив** 270

§ 4. О некоторых политико-правых аспектах дискуссии об использовании автономных (роботизированных) систем вооружения²⁴²

В повседневной жизни человечество всё более полагается на автономные системы обеспечения безопасной посадки самолетов, роботомехаников, и т. д. в связи их более высокой надежностью, что в свою очередь, приближает нас к идее масштабного полагания на применение роботизированных автономных систем в сфере применения силы. Единственным препятствием к их широкому применению является дискуссия о необходимости и возможности прохождения той фокальной точки, когда вклад автономной (роботизированной системы) в принятие решения на поражение цели будет гораздо большим, чем человеческий.

В общем случае пороги понятны: механизм определения целей и их поражения, вне зависимости от процедур принятия решения или делегирования полномочий, должен соответствовать нормам международного гуманитарного права (далее – МГП).

Существующие правовые ограничения обязывают использовать средства поражения избирательно, сводя к минимуму сопутствующий ущерб гражданским лицам и объектам. Но быстрое изменение оперативной и тактической обстановки может потребовать мгновенной реакции и немедленного использования средства поражения во избежание сопутствующего ущерба, если реагирование не последовало немедленно. И такое реагирование может быть обеспечено только роботизированными системами, способными действовать автономно.

Неизбежное и поступательное развитие технологий оказывает безусловно положительное влияние на возможности решения военных задач. В то же время в политической сфере использование новых технологий создает некоторую сковывающую проблему для органов военного управления при разработке новых форм и способов применения вооруженных сил, поскольку государства гораздо более связаны этическими ограничениями (и их отражением в политике), чем ограничениями в сфере МГП²⁴³.

²⁴² Данный параграф подготовлен С.В. Коростелевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00156 А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

²⁴³ См.: Anderson, Kenneth; Waxman, Matthew C. Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems: Why a Ban Won't Work and How the Laws of War Can. American University Washington College of Law Research Paper No. 2013-11. Columbia Public Law Research Paper. – <http://ssrn.com/abstract=2250126> (Дата обращения: 15.03.2020 г.).

Суть возражений против «новых» систем вооружений проявляется в том, что их появление изменяет баланс сил и «сложившийся» порядок ведения военных действий, например, радикально снижает вероятность потерь для применяющей стороны и лишает военных преимуществ сторону-объект применения оружия.

Однако историческая реальность такова, что «осуждаемые» технологии ведения военных действий по мере доступности технологий и ресурсов становятся широко распространёнными и доступными для тех государств, которые первоначально не имели к ним доступа по каким-либо причинам.

Лишь в ряде случаев общественное мнение, как может показаться, категорично и эффективно противостояло использованию некоторых средств поражения, и именно в этих редких случаях возражения были оформлены в нормах права. Например, химическое оружие (начиная с отравляющих газов), бактериологическое, биологическое и токсинное оружие были запрещены, но вовсе не из-за соображений гуманности, как может показаться на первый взгляд. Истинной причиной запрета является их низкая военная эффективность и высокие затраты на обеспечение безопасности в мирное время.

Что касается систем поражения с высокой степенью автоматизации и полной автономии в принятии решений на поражение цели (чаще всего – это системы противовоздушной обороны), то они существуют и используются достаточно широко уже сейчас, и не являются по сути ни незаконными, ни неэтичными. А современные беспилотные летательные аппараты, используемые для избирательного поражения объектов террористической инфраструктуры и членов террористических формирований, не являются автономными, поскольку решение на поражение принимает человек.

Использование высокоавтоматизированных процедур принятия решений в системах вооружений, всего лишь приводит к увеличению темпа военных действий, ничего не меняя в сути парадигмы применения силы. Поэтому в системе реальных международных отношений любое рациональное государство не станет заранее ограничивать себя в данной сфере жесткими нормативными обязательствами ввиду значительных неопределенностей в знаниях о будущем состоянии среды безопасности и темпах развития технологий. Связывая себя жесткими нормами, государства неизбежно теряют возможность эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы. Именно поэтому любая попытка создания глобального запрета на разработку и использование автономных систем вооружения обречена на провал.

В настоящее время в рамках Конвенции 1980 года «О запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие», работает группа экспертов по запрету летальных автономных вооружений²⁴⁴. В обращении к группе Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил: «Существование и использование машин, которые способны самостоятельно выбирать цель и поражать ее, недопустимы с политической точки зрения и отвратительны – с позиции нравственности. Они должны быть запрещены международным правом»²⁴⁵.

В реальной жизни сближение позиций государств по данному вопросу является невозможным и «эффективное решение» (с точки зрения международной бюрократии) никогда не будет принято. Это подтверждается, например, бессодержательность нон-стоп дискуссии о необходимости запрета или полном отказе от ядерного оружия.

Так, например, 7 июля 2017 г. более 120 государств в ходе Конференции ООН «для согласования юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия, который привел бы к полной ликвидации этого оружия», приняли Договор о запрещении ядерного оружия²⁴⁶, а 24 октября 2020 г. данный Договор набрал необходимое количество ратификаций для его вступления в силу. Президент Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Франческо Рокказаявил: «Этот день войдет в историю: еще несколько лет назад запрет на ядерное оружие, который получил бы признание международного сообщества, казался несбыточной мечтой. Это победа для всех жителей Земли и свидетельство того, как важна многосторонняя дипломатия. Я хочу поздравить все 50 государств, ратифицировавших договор, и призвать лидеров остальных стран мира проявить мужество и примкнуть к тем, кто сделал этот правильный выбор»²⁴⁷.

²⁴⁴ – <https://autonomousweapons.org/research-and-reports/> (Дата обращения: 20.05.2020 г.).

²⁴⁵ Нужно ли запретить роботизированные боевые системы? – В Женеве начала работу Группа экспертов в области искусственного интеллекта. – <https://news.un.org/ru/story/2019/03/1351821>; – <https://autonomousweapons.org/recap-s-of-the-un-ccw-meetings-march-25-29-2019/>; – <https://reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/ccw/2019/laws/ccwreport> (Дата обращения: 20.05.2020 г.).

²⁴⁶ Договор о запрещении ядерного оружия. Документ ООН A/CONF.229/2017/8. – <https://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (Дата обращения: 20.11.2020 г.).

²⁴⁷ Женеве/Нью-Йорк, 24 октября 2020 г. – Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца приветствует вступление в силу Договора ООН о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Пресс-релиз. 26 октября 2020. – <https://www.icrc.org/ru/document/zapret-na-yadernoe-oruzhie-etot-den-voydet-v-istoriyu-my-prizyvaem-liderov-vsego-mira> (Дата обращения: 21.11.2020 г.).

Очевидным образом запрещение и ликвидация ядерных вооружений являются гуманитарным императивом. Но гуманитарный императив не совпадает с политическим, поскольку этот договор ни в коем случае не является гарантией неиспользования ядерных вооружений – обладающие ядерным оружием государства данный договор не подписали, и тем более, никогда не ратифицируют. То есть объявлено о существовании «запрета ядерного оружия» при фактическом отсутствии запрета как такового для тех, кто им обладает. Является ли в этом случае продвигаемая «норма права» правом, если она заведомо не приобретает свойство общности?

Длительная и глубокая работа в данной сфере была проведена Международным судом ООН в 1993-1996 г., когда по запросу Генеральной Ассамблеи ООН и Всемирной организации здравоохранения им было принято Консультативное заключение о законности угрозы ядерным оружием или его применения.²⁴⁸ Международным Судом ООН ядерное оружие не было признано незаконным, и «было определено, что оружие, вне зависимости от его природы, новизны, физических принципов, подлежит ограничениям в соответствии с нормами международного гуманитарного права»²⁴⁹.

Таким образом, сложившийся режим МГП и в отношении роботизированных систем является достаточно развитым и стабильным, и может обеспечить такое же регулирование их использования, как и ранее регламентированных им других видов вооружений, в том числе ядерного.

В общем случае, в основании дискуссий о необходимости запрета автономных систем вооружения лежат политические и гуманитарные аспекты. Рассмотрим их подробнее.

Действительной, а не декларируемой политической основой для дискуссий о необходимости запрета каких-либо систем вооружений является осознание государством собственных ограничений для их развертывания. Как пример, можно привести ситуацию, сложившуюся на рубеже XIX-XX вв., когда в Европе происходило перевооружение армий новыми артиллерийскими системами. В правительстве Российской империи произошла дискуссия между министром финансов С.Ю. Витте, военным министром А.Н. Куропаткиным, и министром иностранных дел

²⁴⁸ Документ ООН А/51/218 (1996). Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. – http://www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_1996-07-08.pdf (Дата обращения: 12.12.2014 г.).

²⁴⁹ Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы // Управленческое консультирование. – 2015. – № 6 (78). – С. 50-57.

М.Н. Муравьевым²⁵⁰ по поводу позиции России на предстоящей мирной конференции по разоружению в Гааге.

С.Ю. Витте пишет: «Куропаткин говорит, что ... наша артиллерия будет не менее слабой, нежели артиллерия германской армии; но ввиду такого решения, принятого в Австрии, нам необходимо будет тоже значительно усиливать нашу артиллерию, ..., на что требуются громадные суммы ... и поэтому одновременное перевооружение и пехоты и артиллерии было бы чрезвычайно стеснительно ... и поэтому он предлагает министру иностранных дел – не сочтет ли он возможным войти в сношение с австрийским правительством, чтобы они не перевооружали своей артиллерии и не увеличивали ее, и что мы, с своей стороны, примем также то же обязательство или, по крайней мере, если они будут делать эти перевооружения, то чтобы они делали это в той мере, в какой и мы будем это производить. ... По моему мнению, предложение генерала Куропаткина совершенно невозможное, во-первых, потому, что Австрия отвергнет такое предложение, и, пожалуй, даже деликатно насмеется над ним, с другой стороны, предложение это прямо покажет Европе всю нашу несостоятельность, ..., так как оно будет знаменовать такое положение финансов, при котором министр финансов не может добывать деньги на самые необходимые нужды...»²⁵¹.

Министр иностранных дел М.Н. Муравьев после прочтения проекта обращения к представителям держав по поводу созыва мирной конференции заявил, что: «Предложение, какое исходило от военного министра, чтобы уговорить Австрию не перевооружать свою артиллерию, потому что мы не можем угнаться за нею, является несравненно гораздо более неисполнимым и странным; но ... возбуждение вопроса о принятии мер для мирного разрешения международных конфликтов есть мысль весьма симпатичная и плодотворная...»²⁵².

С.Ю. Витте, который впоследствии возглавлял Комитета министров и Совет министров, в отношении результативности такой политики отметил: «Я имел случай говорить по этому предмету с государем, – причем выразил государю императору, что не может быть никакого сомнения в том, что практических результатов ближайшем будущем и даже в более или менее отдаленном будущем ожидать нельзя ... Потребуется столетия для того, чтобы идея о мирном разрешении всех недоразумений между народами вошла в практический обиход, но, тем не менее, величайшая заслуга госу-

²⁵⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. 2-е издание. Глава однадцатая «Гаагская конференция». Государственное издательство Ленинград. 1924.

²⁵¹ Там же. – С .130-131.

²⁵² Там же. – С .131-132. Обращение последовало 12 августа 1898 г.

даря, что он возбудил этот вопрос, но, конечно, будет еще большая заслуга, если в дальнейшем царствовании своем он своими действиями покажет, что мирное предложение, им сделанное, представляет не только внешнюю форму, но и содержит в себе практическую реальность. К величайшему сожалению, надо признаться, что на практике покуда мысль о мирном разрешении вопроса осталась в области разговоров, и Россия сама делает пример совершенно обратный тому, что было предложено ее монархом, ибо несомненно, что вся Японская война и кровавые последствия, от этого происшедшие, не имели бы места, если бы не на словах, а на деле руководствовались мирными великими идеями»²⁵³.

Вышеприведенные примеры демонстрируют, что споры по поводу политической, правовой и этической приемлемости создания и методов использования конкретных видов оружия существовали всегда: например, ранее - в отношении больших луков, отравленного оружия; позднее - авиации, подводных лодок, минного, ядерного, ослепляющего оружия и т. д. Поэтому современные дискуссии в отношении допустимости разработки и использования автоматизированных и автономных систем ничем не отличаются от проходивших в прошлом в отношении развития «новых» средств поражения. А позиция государства в таких дискуссиях определяется собственными национальными целями, которые в свою очередь зависят от его совокупной национальной мощи.

В полемике о необходимости запрета автономных систем затрагивается вопрос о том, каким гуманитарным правовым критериям должны соответствовать новые системы вооружений?

Очевидным образом, любые системы, принимаемые на вооружение, должны соответствовать требованиям ст. 36 I Дополнительного протокола 1977 г.²⁵⁴ (далее - I ДП). Но насколько реально международное гуманитарное право может регламентировать использование таких систем? Насколько моральные и этические ожидания населения и его требования к среде безопасности коррелируют с актами использования оружия и их оценкой в терминах международного гуманитарного права?

Современный международный правовой режим ограничения вооружений, режим в целом, и не только МГП, не содержит каких-либо ограничений для превосходства какой-либо из сторон в качестве вооружений. Государства определяют состав своих вооружений, исходя лишь из своих собственных воззрений на содержание «военной необходимости» и на «достаточность» вооружений для решения военных задач обес-

²⁵³ Там же. – С. 132.

²⁵⁴ – <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> (Дата обращения: 20.01.2020 г.).

печения национальной безопасности (которые, в свою очередь, в значительной степени зависят от состояния экономики государства и ряда других существенных условий).

Вообще говоря, всякое средство поражения является неизбирательным по своей природе, если оно не может быть нацелено на конкретную военную цель и очевидным образом поражает гражданских лиц наравне с комбатантами. Факт, что автономная система, а не человек, должна принимать окончательное решение по поражению целей, не делает её неизбирательной – она должна быть обеспечена достаточной информацией для принятия решения на поражение законной цели. Выбор цели и её поражение роботизированной системой не является нарушением МГП – это особенность её автономности, определенной человеком. При этом необходимо учитывать, что моральные качества человека сами по себе уже являются одним из средств соблюдения ограничений, воплощенных в нормах МГП. Именно поэтому роботизированная система, какой бы хорошей она ни была, не может полностью заменить человека с его иногда даже порочными моральными установками, и полное удаление человека из цепочки принятия решения на поражение является неправильным.

Определение той фокальной точки, когда можно будет полностью полагаться на решение машины, станет возможным лишь тогда, когда предназначенные для поражения живой силы автономные системы смогут пройти этический «тест Тьюринга». Но в любом случае, ответственность за использование средства поражения должна присваиваться государству, принявшему систему на вооружение, но не военнослужащему, его командованию или программисту.

В общем случае при прохождении «теста Тьюринга» в процессе оценки легитимности автономных средств поражения должны применяться три правила:

1. Они не могут быть заведомо неизбирательными (ст. 54(b)(4) i дп);
2. Они не должны причинять излишние страдания (ст. 35(2) i дп);
3. Они должны использоваться необходимо и соразмерно военно-политическим целям²⁵⁵.

В отношении первого и второго условий нет каких-либо неопределенностей – следование им предопределено МГП; в отношении толкования третьего возникают самые большие сложности. Необходимость поражения цели является результатом политического решения. Этот вопрос будет решаться в области национальных интересов, морали и этики при

²⁵⁵ О критериях необходимости и соразмерности актов применения силы см.: Коростелев С.В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства // Управленческое консультирование. – 2015. – № 10 (82). – С. 15-20.

значительно более слабом влиянии правовых ограничений: *государства будут обращаться к тем средствам и методам ведения военных действий, которые позволяют им достигать целей войны, но не безусловно. Существование в системе государств накладывает обязанность следования нормам jus cogens.*

Политические ограничения (универсальные требования к легитимности акта применения силы) ведут к тому, что государства хотели бы обладать такими средствами, которые делают войну менее рискованной для лиц из состава вооруженных сил и менее ущербной для гражданских объектов и лиц. Масштаб и интенсивность применения силы, степень поражения объектов в конфликтах современности зависят не только от сущности угрозы, но и от сочетания других важных факторов: правовых и политических обязательств, гибкости и результативности дипломатии, эффективности международных институтов, и др.

Риски и опасности, связанные с использованием автономных роботизированных систем поражения вполне реальны, но они связаны не с межгосударственными, а внутренними конфликтами и иными ситуациями насилия, а поскольку акторы-«не государства» в большинстве ситуаций не считают себя связанными обязательствами в сфере МГП и права прав человека (далее - ППЧ).

Как МГП, так и ППЧ (за исключением общих для них норм *jus cogens*), исходят из посылки обязанности соблюдения соразмерности применяемой силы. Соразмерность в МГП требует соотнесения масштаба гражданских жертв с решением военных задач. В ППЧ соразмерность требует соотнесения права одной стороны с ограничениями прав другой²⁵⁶. Во многих ситуациях акторы-«не государства» не приемлют обязанности проводить различие целей и применять силу соразмерно угрозе. Их основной метод, очень часто определяемый как «террористический», заключается в заведомо неизбирательном использовании средств поражения.

Очевидной особенностью процесса легитимации применения автономных систем для акторов-государств является необходимость использования вероятностных характеристик, определяющих вес (ценность) человеческой жизни – это предопределено самим их сосуществованием в системе государств. Требование соразмерности, таким образом, определяет входные характеристики для всех этапов исполь-

²⁵⁶См.: Mann, Itamar. *The Evolving Law of Global Killing. A review of Theoretical Boundaries of Armed Conflict and Human Rights* (ed. Jens David Ohlin). Cambridge University Press. 2016. URL: <https://www.lawfareblog.com/evolving-law-global-killing> (Дата обращения: 21.01.2020 г.).

зования автономных систем государствами, т. е. устанавливает допустимые пределы ущерба, который может быть причинён гражданским лицам и объектам, и, тем самым, формально определяет этический по своей природе вопрос присвоения веса («ценность цели») человеческой жизни. Но у акторов-«не государств» нет таких обязательств, у них другие политические цели.

Именно в ситуации столкновения акторов с различными и несопоставимыми целями можно прогнозировать высокую опасность использования автономных систем: государства ограничены гуманитарными императивами; акторы-«не государства», если они не стремятся к международному признанию – нет. Как справедливо отмечено: «Автономность в сочетании с несоответствием праву достигается легко; автономность в сочетании с правомерностью, в большинстве наиболее сложных ситуаций оперативной обстановки, – достигается сложно»²⁵⁷.

В такой среде безопасности государства должны самостоятельно развивать собственные процедуры и нормативы в соответствии с положениями ст. 36 I ДП и предлагать их в качестве базовых стандартов для международного обсуждения. Эти стандарты неизбежно часто будут адаптироваться к развитию технологий – выводиться из формируемого обычного права вооруженных конфликтов с акторами-«не государствами».

Развитие автономных систем вооружения неизбежным образом должно привести к пониманию достаточности современного правового регулирования нормами МГП использования автономных систем в противостоянии с акторами «не-государствами». Конечно же, оценка практики их использования требует совместной работы государств в рамках политических процессов ООН и региональных организаций. Но сущность и содержание нормативного регулирования не изменятся: современная система государств построена на общих принципах международного права (в том числе принципах МГП), и в основу такой системы ценностей положен постулат ценности человеческой жизни. Даже если это жизнь участника вооруженного формирования актора-«не государства».

²⁵⁷ См.: Anderson, Kenneth; Waxman, Matthew C. Law and Ethics for Autonomous Weapon Systems: Why a Ban Won't Work and How the Laws of War Can. American University Washington College of Law Research Paper No. 2013-11. Columbia Public Law Research Paper. – <http://ssrn.com/abstract=2250126> (Дата обращения: 15.03.2020 г.).